

Белорусский государственный экономический университет. – Минск : Колорград, 2020. – С. 134–139.

20. Литвинов В. В. Образ европейской и колониальной кухни от Петербурга до Владивостока глазами русских путешественников, отраженный в мемуарной и художественной литературе, найденной в Днепропетровской области. // Білорусь – Україна: Діалог культур: матеріали III Міжнародного науково-практичного форуму. – Д., Минск, 2020. – С. 5–39.

М. М. Соколовская

*Белорусская государственная академия музыки
(г. Минск, Республика Беларусь)*

ОБЩИЕ ТРАДИЦИИ КИТАЯ И БЕЛАРУСИ В ОБЛАСТИ МУЗЫКАЛЬНОЙ ЭСТЕТИКИ

В статье определено проблемное поле музыкальной эстетики. Обращается внимание на некоторые общие значения музыки, проявившиеся в культурах Китая и Беларуси (магическое, космологическое, утилитарное понимание музыки). Сложившиеся в странах традиции музыкально-эстетической мысли рассматриваются в качестве основы для выстраивания социокультурной коммуникации.

Ключевые слова: Беларусь, воспитание, Китай, Конфуций, космология, мифология, музыкальная эстетика, традиции.

The article defines the problematic field of musical aesthetics. Attention is drawn to some common meanings of music, manifested in the cultures of China and Belarus (magical, cosmological, utilitarian understanding of music). The traditions of musical and aesthetic thought that have developed in countries are considered as the basis for building sociocultural communication.

Keywords: Belarus, education, China, Confucius, cosmology, mythology, musical aesthetics, traditions.

Музыкальная эстетика – отрасль междисциплинарного знания, сформировавшаяся на стыке философии, эстетики, общего музыкознания, культурологии. Музыкальная эстетика имеет объектом изучения музыкальное искусство, апеллирует к фактам музыкальной культуры. Своеобразие музыкальной эстетики заключаются в том особом ракурсе видения музыки, который в полной мере присущ истории и теории музыкальной эстетики. Определяется специфика музыки как особого вида искусства (морфология искусства), выявляется проблема оригинальности ее представлений и эмоций, художественного языка. В музыкальной образности обнаруживаются характерные, типические возможности именно этого искусства, но также и универсальные художественные закономерности. Изучается духовно-практическое воздействие музыки. Рассматриваются вопросы музыкального творчества, восприятия, особенности эстетического вкуса, идеал, талант, гений в музыке.

В Китае музыкально-эстетические идеи обнаруживаются уже в культуре древнего и средневекового периодов. В соответствии со сложившейся традицией, учение о музыке включало в себя несколько основных аспектов – мифологический, космологический, морально-воспитательный. Изначально музыка воспринималась как магическая сила, способная подчинять себе природу и человека. В китайской мифологии популярна история об исполнителе Ху Ба, своей игрой на гуцине заставившего птиц и рыб танцевать. Легендарный певец Гуан был способен вызывать ветер, облака, дождь и засуху. Музыкант Вэнь повелевал временами года. В предании о Цзоу Янь рассказывается, как с помощью музыки Цзоу Янь сумел изменить климат, благодаря чему земля стала плодородной. С именами мифических правителей Китая Фу-си и Хуан-ди связывают происхождение таких музыкальных инструментов, как гуцинь, сяо и свирель. По одной из версий, гуцинь создал Шэнь-нун. Очень часто характеристика нравственности правителей древности сопровождается указанием на их усердные занятия музыкой. Это – обязательное

условие высокого морального достоинства человека. Так, повествование о мудром правителе Шуне включает в себя сообщение о его мастерской игре на пятиструнном гуцине.

Самостоятельная музыкально-эстетическая концепция древнего и средневекового Китая – космологическое значение музыки. В китайской традиционной натурфилософии музыка воспринималась как природная космическая сила. Пять тонов пентатоники (гун, шан, цзюэ, чжи, юй) соответствуют первоэлементам природы (земля, металл, дерево, огонь, вода), планетам (Сатурн, Венера, Юпитер, Марс, Меркурий), природным явлениям (ветер, холод, жара, свет, дождь), частям света (центр, запад, восток, юг, север), цветам (желтый, белый, зеленый, красный, черный). Для Востока в целом характерно цветовое восприятие музыки. Также музыкальные тона сопоставляются с формами первоматерии инь (отрицательное женское начало, сила тьмы) и ян (положительное мужское начало, сила света). Музыка строится по образу и подобию Вселенной. Становление музыки происходит в той же временной последовательности, в которой развивается Вселенная. Музыка является также прообразом Вселенной, мироздание зависит в своей динамике от музыки. Музыка связывает в единое целое небо, землю и человека.

«Небо и земля, говорится в конфуцианском трактате «Юэцзи», сливаются в гармонии и сходятся принципы «инь» и «ян». Все живое согревается ласковым теплом неба и по-матерински вскармливается землей, расцветают деревья и травы, распрямившись, выходят на поверхность посеянные в землю семена, взлетают вверх птицы, рождаются и растут олени, насекомые, замерзшие в спячке, выходят на свет и оживают, птицы высиживают и согревают яйца, животные, покрытые шерстью, начинают и выкармливают своих детей (...) Таково действие музыки» [2].

Утилитарное понимание музыки как средства воспитания морали в классической форме представлено в философии Конфуция (551 – 479 гг. до н. э.) и его последователей. Для Конфуция и конфуцианцев музыка является способом установления

порядка в государстве. С ее помощью создается определенный социальный регламент, возникают согласие и гармония в обществе. Благодаря музыке едины отец с сыном, подданные – с господином («Юэцзи»). Конфуций считал, если церемониал и музыка не процветают, тогда наказания перестают быть справедливыми и люди уже не знают, как им себя вести. Конфуций отвергал способствующую разврату и роскоши «распущенную» музыку. Только та музыка прекрасна и правильна, полагал он, которая воспитывает и формирует общественные нравы, помогает поддерживать послушание в народе. Нормы идеологии, права и морали превращать в веление сердца – вот основное предназначение музыки. Если же музыка фальшивая, ноты расстроены, значит, принципы поведения людей нарушены, в любой момент государство может погибнуть.

Конфуций внимательно относился к этическому значению мелодий, сродни античному пониманию музыки. В «Юэцзи» напевы, музыкальные тоны и звуки классифицируются по характеру их эмоционального и нравственного воздействия на слушателя. Песни «Сун» подходят для великодушного и спокойного человека, песни «Дая» – для проникательного и умного, песни «Сяо-я» – для скромного и вежливого, песни «Фэн» – для честного и уступчивого. Музыкальный тон «гун» развивает чувство искренности, «шан» – справедливости, «цзюе» – человечности, «чжи» способствует воспитанности и «юй» – предусмотрительности. Резким и замирающим звуком передается печаль, грубым и свирепым – гнев, открытым и отчетливым – почтительность, гармоничным и мягким – любовь.

Согласно Конфуцию, образование надлежит начинать с поэзии, развивать его совершенствованием в нормах поведения, завершать – музыкой. Конфуций предполагал соответствие характера воспринимаемых звуков степени нравственности человека, что, в свою очередь, влияет на качество музыки. Слушая фальшивые звуки, человек начинает проявлять злые чувства, что, в свою очередь, приводит к появлению сладострастной

музыки. Когда же действуют правильные звуки, в человеке возбуждаются добрые чувства, проявление которых рождает стройную гармоничную музыку. Музыка, дошедшая до нас из глубины веков, позволяет, таким образом, с большой долей вероятности оценивать действия, поступки правителей древности. Сам Конфуций, например, так впечатлялся искусной игрой легендарного Шуня, что по три месяца не находил вкуса в мясе. Гуманные принципы управления Шуня, как можно понять, отразились на характере его музыки (трактат «Луньюй»).

В художественной культуре Беларуси традиции музыкально-эстетической мысли особенно заметно начинают проявляться с конца XVIII – первой половины XIX вв. Музыка понималась как мистическое действие. В XIX веке А. К. Сержпутовский записал народные сказки «Музыка і чэрці» и «Цыган-музыка», в которых, по мнению В. М. Конона, фольклоризовался образ славяно-белорусского Орфея. Искусный музыкант, покоровший своей игрой на дудочке небо и землю, Музыка способен превознести и облагородить человека, заставить его и природу эмоционально откликаться на смену настроения в музыке [4]. В музыкальной эстетике Китая, как уже отмечалось, нетрудно обнаружить аналогичные примеры.

Также в народной среде имело место понимание музыки, связанное с ее возбуждающим эффектом. Предки белорусов верили в то, что в звуках музыкальных инструментов живут духи и демоны. В «Слове о полку Игореве» образ Бояна-гуслира характеризуется прилагательным «вещий» – то есть знахарь, колдун. В соответствии с языческими верованиями белорусов, сверхъестественными способностями наделялись дудари, к ним относились с осторожностью.

О воспитательном значении музыки в XIX веке высказывался белорусский скрипач, композитор и писатель М. Ельский. Ельский был убежден, что музыкант обязательно должен быть добрым, нравственным и благородным. Предназначение музыки, по его мнению, состоит в том, чтобы возвышать дух. Сила

музыки – в ее возвышенно-эмоциональном воздействии на человека. Взгляд на музыку как искусство, воспитывающее и развивающее, характерен также для известного дипломата, государственного деятеля своего времени, композитора-любителя М. К. Огинского (работа «Письма о музыке») [5]. В своих «Наблюдениях над музыкой» Огинский утверждал, что музыка достаточно сильная для того, чтобы поддерживать в государстве порядок, стабильность, а также полное понимание и гармоничные отношения, которые должны складываться между народом и властью. Им приводятся хорошо известные из области античной музыкальной эстетики примеры этического воздействия ладов на поведение людей.

Как видим, музыкально-эстетические традиции Китая и Беларуси очень близки. На современном этапе взаимодействия двух стран, как нам представляется, сложились благоприятные условия для успешного взаимовыгодного сотрудничества государств. Осуществляется продуктивный диалог восточной и западной цивилизаций, в том числе и в сфере музыкальной культуры.

Литература

1. Античная музыкальная эстетика. Под ред. Лосева – М. : Гос. муз. изд-во, 1960. – 303 с. [1], [11] л. ил. – (Памятники музыкально-эстетической мысли).
2. Музыкальная эстетика стран Востока – М. : Музыка, 1967. – 413 с., [1] с., ил. – (Памятники музыкально-эстетической мысли).
3. Немагай, С. М. Жыццё і творчасць М. К. Агінскага ў кардынатах яго часу і культурнага асяроддзя / С. М. Немагай. – Мінск : Беларус. дзярж. акад. музыкі, 2007. – 520 с.: ил., ноты.
4. Сержпудоўскі, А. К. Казкі і апавяданні беларусаў-палешукоў / А. К. Сержпудоўскі. – Мінск : Універсітэцкае., 1999. – 191 с., [1] л. партр. – (Серыя «Повязь вякоў»).
5. Ogiński, M. K. Listy o muzyce / M. K. Ogiński // oprac.: T. Strumillo; red. A. Papierzowa. – Kraków : Pol. Wyd – Muz., 1956. – 135 s.